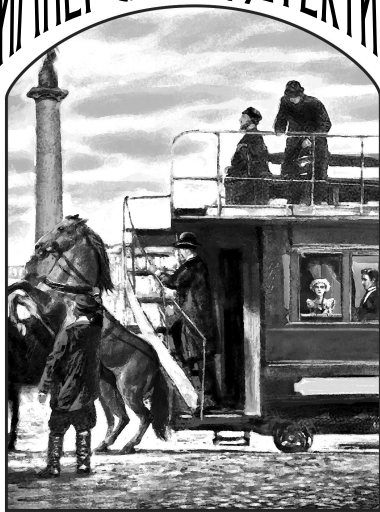

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВЪ

СТАСС
БАБИЦКИЙ
ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ДЕВОЧКА В ВАГОНЕ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б12

Бабицкий, Станислав Александрович.
Б12 **Девочка в вагоне / Станислав Бабицкий.** — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Изобличитель. Имперский детективъ).

ISBN 978-5-04-190131-8

Единственная дочь обер-полицейстера Москвы Настенька похищена среди бела дня в центре города. Убитый горем отец получил анонимное письмо: «В ваших интересах не привлекать полицию к расследованию. Иначе ваша дочь сгинет без следа...»

Свидетели, допрошенные частным сыщиком Мармеладовым, единодушно описали гувернера, который увел девочку. При этом отметили, что Настя сама шла рядом, похититель ее не тащил силой, даже не держал за руку.

А вскоре пришло требование выкупа. Вот только не денег хочет злоумышленник. Нужны б были деньги — отец достал бы любую сумму. Но это условие просто потрясло и отца, и Мармеладова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бабицкий С.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024
ISBN 978-5-04-190131-8

ДЕВОЧКА В ВАГОНЕ

ПОВЕСТЬ

I

– *Мы завьем венки
Да на все святки.
На все святки,
На все празднички.*

Песенка ворвалась с улицы через приоткрытое окно и, конечно же, разбудила девочку. Пробуждение не было резким, какое возникает обычно от петушиного крика или ушата холодной воды. Не тянулось оно мучительно и муторно, как если бы старший брат настойчиво встряхивал за плечо либо же младший канючил в самое ухо: «Ну вставай уже, встава-а-ай!» От всех подобных случаев просыпаются со стоном, с недовольной гримасой на лице. А в этот раз Анастасия почувствовала, что незамысловатый мотив поднимает ее и ласково подталкивает в спину, словно волны крымского моря.

– *На все празднички,
На Духовные.*

Она открыла глаза, вспорхнула с кровати и белым облачком полетела к свету. Такую легкость испытывала, что ноги будто не касались пола. Выглянула в окно, но певуньи уже скрылись за большим домом на углу Столешникова переулка. Таяла вдали мелодия:

– *На Духовные
Да на венковье.*

◆ *Стасс Бабицкий*

Анастасия присела на подоконник, жмурясь от ощущения неземного счастья. Вчера она впервые была на исповеди, а сегодня, совсем скоро, примет первое взрослое причастие. Да, да, она больше не станет подбегать к священнику в стайке малышей, пыхтящих и толкающихся локтями, переполненных неумной энергией, которую не смиряют ни строгие шиканья прихожанок, ни даже суровые взгляды с образов. Нет, нет, теперь ей нужно подходить тихо, опустив плечи и склонив голову, в свою очередь после немощной старухи или дородной купчихи. Ведь теперь она не младенец какой-нибудь, а барышня, ей неделю назад исполнилось целых семь лет.

— Проснулась? Превосходно. Собирайся скорее, не то опоздаем.

В комнату заглянул отец, Николай Устинович Арапов. Гладко выбритый, в парадном — по случаю праздника — мундире, застегнутом на все пуговицы. Посторонился в дверях, пропуская старую няньку, та несла отутюженное платье нежно-голубого цвета и в другой руке...

— Ой, нянюшка, веночек! Да какой же чудесный! — Позабыв свои рассуждения, она по-детски спрыгнула с подоконника, бросилась к зеркалу, восхищенно приговаривая: — Васильки! Колокольчики! Где же ты их достала?

— Нешто ж я для моей красавишны не расстараяюсь?! — улыбнулась старушка и тут же погрозила узловатым пальцем. — Ты прежде оденься да волос расчеши, егоза...

Анастасия нырнула в платье, слегка запуталась в воротах, но не стала капризничать, как обычно, напротив —

засмеялась. В такое утро можно ли быть хмурой? Троицын день! Зеленые святки. Сегодня она будет носить венок не снимая, а ввечеру бросит в Язу. Поплывет — счастье ждет, а утонет... Нет, не стоит заранее думать о грустном. Голубой веночек непременно поплывет. Даже жалко этакую красоту — и в реку, но все взрослые бабышки гадают, значит и ей надобно. Только сперва придется причесаться, чтобы никто не ворчал.

Старуха цепко ухватила гребешок с узорчатой резбой и несколько раз с силой провела по золотистым локонам — Анастасия пискнула от боли, слезы брызнули из глаз. А нянька уже тащила ее к умывальнику, поливала, терла, чистила и наконец вытирала насуху.

Отец сразу ретировался, якобы проверить, заложил ли кучер экипаж. На самом деле он, хотя был генералом, служил обер-полицмейстером всея Москвы и наводил страх на разбойный люд, совершенно робел в присутствии этой пожилой женщины. Возможно, потому, что она чрезвычайно похожа на кормилицу, которая воспитывала юного Николеньку в Тульской губернии. Причем настолько сурово, что впоследствии и Пажеский Его Императорского Величества корпус показался курортом, несмотря на строгую военную дисциплину. Даже и сейчас, приближаясь к полувековому юбилею, г-н Арапов все еще с содроганием вспоминал моменты своего детства.

Некая робость могла объясняться еще и тем, что глава полиции не умел общаться с дочерью. Сторонился, откровенно говоря. Когда она, запрыгнув к нему на колени, ластилась, словно котенок, все, на что он мог отважиться, — погладить девочку по волосам и сказать:

◆ *Стасс Бабицкий*

«Полно, полно, беги к маме!» Нежным именем Настенька удосужил лишь однажды, пару лет назад, и то потому, что болела серьезно, а доктор давал безрадостные прогнозы. Любил ли г-н Арапов дочь? Безусловно. Просто весь ее мир был так же далек от него, как, ну, положим, Бразилия, и настолько же труден для понимания.

Вот с мальчишками не в пример легче находить общие темы. Племянники обер-полицмейстера сидели на крыльце и развлекались, швыряя камешки на соседский балкон с колоннами, однако, завидев дядю, моментально вытянулись, как на плацу. Тот одобрительно улыбнулся. Потрепал младшего, Павлушу, за непокорные вихры и стремительно поцеловал в макушку — со стороны выглядело, будто большая раззолоченная птица зернышко клюнула. Ребенок захохотал от восторга, много ли надо карапузу в четыре года. У старшего, Георгия, вспыхнули уши, заранее сконфузился на случай, если дядюшка захочет повторить и с ним тот же маневр. Г-н Арапов проявил понимание и такт, хоть и нагнулся к мальчику, но ограничился тем, что поправил съехавшую на затылок фуражку — как-никак гимназист десяти лет должен выглядеть солидно и безупречно.

— Здесь всего-то пять минут по Дмитровке... Может, все же отправимся в карете?

Вопрос этот генерал задал без малейшего проблеска надежды на понимание и согласие — так военачальник почти разбитой армии призывает соперника кончить дело миром. Но дети были непреклонны.

— Конка! Конка! — закричали они и запрыгали вокруг дяди. — Ко-о-онка-а-а!!!

К звонким мальчишеским голосам, которых и без того уже было довольно, чтобы разбудить всех соседей, добавился визг Анастасии. Она выпорхнула на крыльцо, и генерал поднял белый флаг.

— Жди теперь, Федор Кузьмич...

Старый кучер, приставленный по службе к казенному экипажу полицейского ведомства, понимающе усмехнулся в бороду. Все повторяется. На Пасху-то ровно эту же сцену разыграли, правда, погода позябче была. Оно и понятно, детворе пряника не надо, лишь бы прокатиться в англицком вагоне.

Г-н Арапов поглядел с тоской на ретивых коней, всхрапывающих и бьющих искры из камней мостовой. Может, до Неглинной прокатиться? Нет, пустое. Там не развернуться, афишная тумба помешает. Только время на объезд терять, пешком быстрее. Обер-полицмейстер крикнул и поспешил, нагоняя детей, с гоготом устремившихся вниз по переулку.

Обычно конка на Неглинной улице не останавливалась, имея на то строжайший запрет. Но когда сияющий на солнце вагон появился из-за поворота, Николай Устинович просто поднял руку, и лошади вмиг встали пред ним, как сказочный Сивка-Бурка. Их и вправду звали именно так — Сивка и Бурка, хотя сей малозначительный факт к нашей истории отношения не имеет. Пусть бы их звали хоть Гог и Магог, на дальнейшие события это ровным счетом никакого влияния не оказало бы. Лошади встали, кучер и кондуктор вышли, чтобы поклониться большому чину. Г-н Арапов, сделав вид, что не заметил такого почтения, обратился к детям:

— Ну так я встречу вас у церкви...

Потом, вновь уподобившись раззолоченной птице, коротко клюнул Павлушу и Анастасию. Развернулся на каблуках, пошел быстрым шагом обратно к карете, размышляя на ходу, на сколько обгонит конку. Пожалуй что минут на двадцать. Как раз будет время с супругой перемолвиться. Вера Александровна, вместе с сестрой оберполицмейстера, еще накануне отправились в храм, на всенощное бдение. Ему же поручили вовремя доставить детей. Вот и прикидывал теперь: успеют ли к причастию. Это объясняло некую озабоченность, с которой он усаживался в карету, да и сон вспомнился не к месту, с четверга на пятницу виденный. Будто бы стоит на холме зеленом, перед обрывом и пытается удержать дочку в вытянутой руке, но силы покидают его, Анастасия падает вниз, оставляя в кулаке только ленточку... Впрочем, глупости. Пусть старые няньки в сны веруют. А ему, человеку просвещенному, не должно на такую ерунду внимание обращать.

Г-н Арапов откинулся на мягкую спинку, вытянул свои нескладно-длинные ноги и скомандовал:

— Трогай, Федор Кузьмич!

II

Мальчишки с азартом рванули к лестнице во второй этаж вагона, который носил гордое название «имперал». На самом деле гордиться там было особо нечем — две деревянные лавки, сбитые спинками, и хлипкие ограждения из железных прутьев. В дождливые или ве-

тренные дни поездка наверху становилась жестоким испытанием, при полном отсутствии крыши и стен пассажиры чувствовали себя неудобно. Но в такое приятное утро, когда вокруг разлиты солнце, небо и благодать, просто не терпелось в них окунуться.

— За билет в империале извольте три копейки, за обычный билет пять копеек. — Кондуктор Фуфырев говорил надменно и недружелюбно: затаил обиду на обер-полицмейстера, который не счел нужным даже кивнуть в ответ на его почтительный поклон, вот и отыгрывался на детворе.

Медяки посыпались в кондукторскую сумку. Анастасия тоже хотела пройти наверх, но Фуфырев был неумолим. Не положено барышням на империал, и все тут. Мстительный мерзавец! Помнится, он и на Пасху ее не пустил во второй этаж. Только для мужчин, видите ли. Какие-то пещерные правила, будто бы женщина и не человек вовсе.

А братья... Формально они состояли в двоюродном родстве и следовало называть мальчишек кузенами, но г-н Арапов, известный противник всего европейского, воспитал в дочери отвращение к заграничным словам. Запрещал он также называть детей Полем и Жоржем, на французский манер, как это происходило в других дворянских семьях. Поэтому Анастасия привыкла называть их братьями. Теперь же захотелось крикнуть им вослед: предатели! Как посмели бросить ее одну? Поездка сразу растеряла половину своей привлекательности, девочка надула губки и села в самый дальний угол, отвернувшись от Фуфырева и немногочисленных утренних ездоков.

Она злилась все время, пока конка двигалась по Неглинной. Но когда подъехали к бульварам и появились цветущие каштаны, спохватилась: ох, да что же я такое делаю... Гневаться и так смертный грех, а в праздник, поди, и вовсе за два греха считается. Анастасия вытерла набежавшие слезинки и заставила себя улыбнуться. Так-то лучше.

Конка остановилась возле Трубной площади. Здесь, несмотря на ранний час, уже шумел и суетился рынок. Продавали сразу все: пожухлый бурак и брюкву-саксонку, пряности, страшноватые на вид весенние грибы, чашки фарфоровые, потускневший бронзовый подсвечник, какие-то вещи с чужого плеча... А еще птичек в клетках, которых было ужасно жалко. Вот и все, что разглядела из своего окошка девочка.

Вагон конки пополнился новыми пассажирами. А фореиторы в зеленых куртках подвели двух лошадей пегой масти, с полинявшими боками.

— Теперь еще и этих запрягут, а после сразу поедем дальше, — слышались громкие объяснения кондуктора. Он распушил хвост, словно павлин, и не отходил от некой дамы лет тридцати, судя по одежде — гувернантки. Та постоянно отворачивала лицо от Фуфырева, но ее надменный профиль, видимо, распаял еще больше, потому что объяснения продолжались. — Без дополнительной конной тяги вагон по Рождественскому бульвару не поднимется. Видите, как горбится мостовая?

Анастасия знала про сложный подъем. Как и про то, что лошадкам тяжело даже вчетвером тащить в горку громоздкую махину, набитую людьми. Их тоже всегда

было очень жалко, а все же не так сильно, как птичек в клетках. В обычные дни она бы с восторгом наблюдала, как пегих кобылок запрягают парой, а после цепляют к Сивке и Бурке за длинную... Э-э-э, штуку с крюком? Георгий знает, как называется эта штука. Однако сейчас он на империале, смотрит во все глаза и поддерживает Павлушу, чтобы не упал вниз, а то ведь этот любопытный сорванец всегда перегибается через хлипкое ограждение. Да, в обычные дни...

Но сегодня-то праздник великий. Девочка засмотрелась на большой каштан, весь в цветущих «свечках». Этот старый каштан, великан среди соседних деревьев, изрядно нависающий над дорогой, вдруг напомнил ей храм. Церковь вчера была убрана ко всеобщей — вокруг икон зеленели березовые веточки, пол устилала скошенная трава. Священник, принимавший ее первую исповедь, также был облачен в зеленое. А кругом горели свечи.

Разумеется, девочка была в полном смятении. Запиналась, пыталась сказать, но слова не шли наружу, застревали где-то в горле, сбиваясь в большой комок. Тогда батюшка наклонился близко-близко и шепнул:

— Боишься?

Она кивнула.

— Чего боишься? Наказания? — продолжал допытываться священник.

Анастасия снова кивнула, не в силах проглотить комок, который мешал уже не только говорить, но и дышать. Ей казалось, что вот прямо сейчас случится обморок.

А бородач в рясе сел рядом, прямо на усыпанный душистыми травами пол, обнял ее за плечи и заговорил тихонько:

— Я тоже на первой исповеди боялся. Думал, Бог не простит, накажет за грехи. Все и всегда именно наказания страшатся. Да что мы с тобой, простые грешники... Даже апостолы боялись, сильно боялись. Их ведь могли казнить, многих христиан в те времена казнили, мучили страшно. И вот в такой же точно день, канун Троицы, сидели они, запершись на все засовы, окна ставнями загородили. Вдруг шум, треск, огонь явился с неба и, представь себе, над каждым апостолом зажегся язык пламени. Это тоже могло напугать. Меня бы уж точно напугало, до обморока.

Девочка знала эту историю, нянька читала ей Евангелие. Но святой отец рассказывал по-другому, простыми словами. Не ощущалось в них ослепительного величия, зато все было понятно.

— А вместе с этим пламенем пришла к ним сила великая, апостолы вышли к народу и стали проповедовать слово Божие, основали церковь Христову. Хотя снаружи-то ничего не изменилось. Мир язычников был все так же жесток к христианам. Их по-прежнему могли казнить. Просто Петр, Павел, Андрей и другие уже не боялись. Святой Дух исцелил их от страха, оставив только веру, надежду и любовь.

Священник трижды провел рукой по волосам Анастасии, и ладонь показалась ей горячее пламени.

— Я однажды понял, что вовсе не наказания надо бояться, а греха. Грехи наши тяжкие лежат на душе камнями, давят денно и нощно. Зачем такой груз таскать?

Какая в том радость? А покаешься, сбросишь грехи — сразу легче, и дышится свободнее.

— Но потом ведь накажут?! — пискнула девочка.

— Конечно, накажут. Но с чистой душой и наказание легче переносится, — улыбнулся священник. — Разве отец не ставит тебя на горюх за шалости? Не кивай, по глазам вижу, что случилось такое. Но потом ведь обнимет и простит, правда? Вот и Господь для нас не только строгий судья, но и отец небесный. Как только ты, отроковица, от грехов своих отречешься, Он примет тебя в объятия и все простит. Не запирайся от Него, отвори двери и ставни души своей и живи счастливо.

Слова священника, довольно молодого еще человека, глубоко тронули девочку, нет, теперь уже отроковицу — так он назвал. Комок в горле распался сам собой и излился слезами. Анастасия уткнулась в русую бороду и, всхлипывая, пересказала все свои детские прегрешения.

Потом уже, поздним вечером, ворочаясь в кровати без сна, она вспомнила еще несколько грехов, в которых не покалась. Месяц назад на балу подглядела, как юная графиня Б. целуется с молодым корнетом, у него еще только-только усики пробивались. Позавидовала. А зависть — грех. Потом еще мамин браслет из ларчика драгоценного без спросу брала. Это ведь то же самое, что украла. Нет, потом-то на место положила, никто и не заметил. Но Бог все видит. Значит, считается.

Как же ей к причастию без отпущения грехов этих идти? Вдруг прикоснется она губами к священному вину, а тут затрубят трубы и явятся в золотом дыму ангелы небесные. И громогласно, на весь храм, провозгла-

сят: «Грешница великая! Воровка, завистница и лгунья!» Она ведь прямо там со стыда и помрет. Нет, нельзя такого допустить. Анастасия вспомнила красивое, чуть вытянутое лицо священника — как его звали? Отец Алексей, кажется. Вот к нему подойдет и про забытые грехи расскажет. Батюшка поймет, у него глаза добрые.

Она перекрестилась, глядя на каштан, и тут только поняла, что конка стоит на месте слишком долго. Давно уж ехать пора. Девочка высунулась из окна вагона, пытаясь разглядеть, что же там стряслось.

А стряслось вот что. Лошадь закатывала карие глаза и норовила встать на дыбы. При этом страшно дрожала, словно в лихорадке — кучер похлопывал по правому боку, ощущая пальцами волны мышечных спазмов, перетекающих от головы к хвосту.

— Бурка! Какой бес в тебя вселился?

— Может, мыша увидала? — предположил фореитор, бойкий коротыш лет пятнадцати.

— Сам ты мыша! — осерчал кучер. — Не видишь, пена на губах? А никто лошадку-то не загонял. Не иначе как в сене попалось чего. Борец-корень, синеглазка или ведьмина трава.

Он принялся к дыханию лошади, словно мог по запаху определить, какую именно отраву та проглотила. Бурка всхрапнула, доверчиво ткнулась мягким носом в щеку кучера, отчего тот засопел и покачал головой.

— Ты вот что, Ерёмка, выпряги ее. Напои хорошенько, успокой. Погуляй подольше, можа и отпустит... А мы как-нибудь уж на трех подыдемся. Народу в кузове мало.

Кондуктор, оторвавшийся по такому экстренному случаю от надменной гувернантки, не сдержал усмешки. Старик упорно не хотел употреблять слово «вагон», все по-старинке именовал. Фуфырев же смотрел с позиций просвещенных, а потому ясно понимал, что прогресс неумолим. Уже через три года, максимум через пять, конку протянут по всем центральным улицам и не останется в Москве извозчиков. Совсем не останется. Оно конечно, г-н Дарвин со своей теорией эволюции напутал, где же это видано, чтоб человек произошел от обезьяны? Ну, положим, где-нибудь на далеких островах, может быть и такое. Но у нас-то, в России, известное дело, человек от Бога произошел! Зря все-таки не запретили эту псевдоученую ересь печатать. Но в коммерческом или в промышленном смысле дарвиновская теория работает идеально: кто сильнее, тот и выживет. Вот, говорят, совсем скоро запустят самодвижущиеся вагоны, тогда и у кучеров работы не останется. А кондукторы, те всегда пригодятся. Деньги-то собирать и в чудо-вагонах надобно...

Конка вздрогнула и, покачиваясь с боку на бок, двинулась на подъем. Лошади шли тяжело, оступаясь на каждом третьем шаге. Их могучие загривки лоснились от пота. Кучер отложил кнут, понимая, что в такой ситуации подгонять лучше добрым словом.

— Пошли, ласточки! — понукал он. — Нешто не сдюжим? Пошли, пошли, родимые!

Фореиторы тянули за узду, покрикивая совсем другие слова. Непонятно, что именно сработало, но вагон поехал заметно быстрее. Поднялись к Малому Кисельному переулку, остановились у Карамышевской усадьбы.

◆ *Стасс Бабицкий*

Лошади тяжело дышали и даже забывали отгонять мух взмахами хвостов. Здесь их снова перепрягли, и на двух пегих двинулись дальше, к Сретенской церкви.

У поворота на Большую Лубянку в нетерпении прохаживался г-н Арапов. Вот он просветлел лицом, заметив мальчиков, машущих руками и кричащих с империи. Но тут же снова нахмурил брови: конка прибыла с изрядным опозданием, по этому поводу обер-полицеймейстер намеревался отчитать нерадивого кучера. Да заодно и кондуктора — тот ему откровенно не нравился, слащавая улыбочка, угодливый изгиб спины, право слово, будто знак вопросительный.

— Что же вы, черти... — начал было он распекать, поднимаясь в вагон, да тут же и осекся на полуслове.

Затихли и мальчишки, сбежавшие по лестнице с империи.

Кондуктор Фуфырев прижал ладонь к груди и стал сбивчиво оправдываться, но обер-полицеймейстер не слушал. Он сделал пару нетвердых шагов по проходу, озираясь по сторонам, заглядывая за спинки сидений и громко выкликая:

— Настенька! Доченька! Где ты?

III

Сад «Эрмитаж» этой весной преобразился до неузнаваемости, и потому вся Москва устремила сюда на прогулку. Возле двух больших прудов ажурные скамейки были заняты разночинной публикой. Беседки, врезанные в тенистые заросли, вдали от основных доро-

